

Повествование и память

(Рассказ Л. Н. Толстого в пересказе венгерского крестьянского сказителя)*

Вступительные замечания

В ходе собирания материалов фольклорист зачастую несколько раз прослушивает, записывает или другим образом фиксирует одну и ту же историю (или, пользуясь более общей категорией фольклора, народное повествование) с небольшими изменениями. В этом, собственно, нет ничего удивительного, ведь сущность фольклора в том и состоит, что он живет в вариантах. Работа фольклориста заключается в том, чтобы выбрать из множества схожих текстов наиболее полный, точнее, реконструировать никогда не существовавшую идеальную форму определенного текста. Современные исследования стремятся, скорее, к описанию системы внутреннего построения текстов и правил построения системы.

Напрашивается мысль, что необходимо исследовать повторяющиеся в текстах элементы и с их помощью определить действующие в текстах правила. Неточное повторение дает возможность понять закономерности изменений. Отдельные лингвисты-текстологи ясно сформулировали данную проблему: «Эмпирическим фактом является то, что во многих ситуациях одну и ту же мысль можно выразить различными языковыми

* Впервые статья была опубликована в 1984 г. в *Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth Nominatae. Slavica XX*, 151–164. Работа была написана в 1978 г. по случаю 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого и прочитана в качестве доклада на втором финно-венгерском симпозиуме в Турку в ноябре 1978 г.

средствами. В естественных языках это свойство должно отразиться и в грамматике» (Petőfi 1975: 377–390).

С одной стороны, обозначенные мысли могут быть использованы фольклористами потому, что лингвистические теории методически более обоснованы, чем фольклорные; с другой стороны, большая часть фольклорных текстов, будучи языковыми текстами, может служить моделью для новой текстологической теории при анализе фольклорных текстов.

Зачинатели формировавшейся в начале 1970-х годов теории текста и тексто-грамматических или тексто-лингвистических исследований (van Dijk 1972; Petőfi & Rieser 1973), изучая проблемы создания языковых текстов и вопросы их понимания, закономерно пришли к проблемам механизмов памяти. Всякий языковой (а в особенности фольклорный) текст возникает из уже существующих элементов. А понимание текстов является результатом как раз обратного процесса, происходящего в нашей памяти: мы разбиваем тексты на элементы и сопоставляем их с хранящимися в нашей памяти приобретенными знаниями.

Исследование простейших языковых фактов указывает на необходимость познания «простой» человеческой способности мысленно воспроизводить что-либо с нами происшедшее, т. е. на важность исследования *памяти*. В современной системе научного распределения труда исследование механизмов памяти относится к исследованиям по экспериментальной психологии (Norman 1969; Postman & Keppel 1969), поэтому фольклористы не учли результатов, достигнутых в этой сфере.

Прежние исследования в этой области, например работы Фредерика Бартлетта (Bartlett 1920; Bartlett 1932), в свое время довольно долго пользовались влиянием, и не только в сфере психологии. Ф. Бартлетт применял два разных исследовательских приема, оба одновременно можно рассматривать как устную модель передачи и восприятия фольклора. В одном случае одно и то же лицо рассказывало одну и ту же историю через увеличивающиеся промежутки времени. В другом случае история передавалась из уст в уста, т. е. участники эксперимента рассказывали ее друг другу (первый – второму, второй – третьему и т. д.). Эксперименты английского исследователя, по большому счету, остались неизвестными для фольклористов. В то же время, если в экспериментальной психологии упоминались народные сказки или же ложные панические слухи в качест-

ве примера воспроизведения текста или функционирования коллективной памяти, то фольклорные примеры не удавалось анализировать с достаточной основательностью (Hunter 1957).

В 1970-е годы появились эксперименты и анализы, рассматривавшие фольклорные тексты с позиций интердисциплинарной подготовки и приведшие (именно вследствие осознания недостаточности структуральных методов) к исследованию нарративной памяти (Colby & Cole 1973).

В то же время, другая значительная часть исследований по фольклору сосредоточивает внимание на общественной функции и «встроенности» «народного повествования» в общественные рамки (Dégh 1969). В крайнем случае, в них лишь упоминается о том, насколько важно было бы заниматься вопросами воспоминания и повторного пересказывания в случае длинных историй. Исследователи также предупреждали, что, например, в связи с репродукцией мифов стоило бы заниматься теми нарративными структурами, которые мы воспроизводим в памяти в первую очередь, припоминая тексты. Например, по мнению Джека Гуди (Goody 1977), устное воспроизведение, точная меморизация – чрезвычайно редкое явление, хотя они считаются характерной чертой устной культуры.

Хорошие теоретические рамки для исследования вышеописанной преимущественно текстолого-фольклорной проблемы может дать метод, использованный в т. н. *анализе повествования*, а именно текстолого-теоретические исследования (van Dijk et al. 1976), занимающиеся приемами «воспроизведения» и «суммирования».

В ходе собирательской работы на Среднедунайской равнине (Венгерской низменности), целью которой была реконструкция системы поверий с помощью собранных устных преданий, Йожеф Балаж из деревни Надудвар рассказал нам историю, когда-то прочитанную им, как он выразился, «может быть, у Толстого». В этой истории важную роль играет широко известный фольклорный мотив, согласно которому, главный герой добывает себе имение, обойдя участок земли за определенное время. Спустя два года после первой записи, в 1972 году, я вновь записал этот рассказ пожилого информанта. Меня интересовало, какие отличия появились в тексте за два года. С одной стороны, было интересно, как опрашиваемый воспроизведет свой собственный

текст, с другой стороны – как этот текст будет соотноситься с оригинальным рассказом Л. Н. Толстого.

Проблемы, подлежащие рассмотрению, можно подытожить следующим образом:

1. Что сохранилось в тексте без изменений?
2. Что и как народный сказитель берет из текста писателя-профессионала?
3. Почему он перенимает именно те или иные элементы?

Если подумать над ответами на перечисленные вопросы в рамках текстовой семиотики, по очереди возникают синтаксические, семантические и, наконец, прагматические проблемы. Значит, в их анализе мы следуем программе вербальной семиотики¹.

Тексты

Информант: Йозеф Балаж, земледелец, римско-католического вероисповедания; родился в 1903 году в д. Надудвар Хайду-Бихарской области.

Первая запись: апрель 1970 г.

«Жил-был большой *сильный русский* человек Алексей Пахум, так его звали, как я помню. И тяжело он работал, физическую работу делал. *Ходил на вырубку леса. Зимой ли, летом ли*, когда было, не знаю, он писал такими словами, что этот человек *купил версту* (двести квадратов это было?) *земли* из заработка, что получил за работу. Ну, конечно, вырастил он там картошку. *Наелся он досыта печеной картошки и растянулся* на низкой *лежанке* возле печи. А потом говорит: «Ну, много работал я этим летом, зато сыт. *В будущем году стану работать еще больше* и тогда *заведу козу* или что другое». *Черт же подслушивал за печкой*, так пишет Толстой. И *поддакивает*: «Все будет, Алексей Пахум, старайся, старайся!» Ну, в следующем году он, конечно, приобрел землю и другое, и все больше и больше. И так шло более *трех десятков лет*, что все больше и больше. У него уже было *свое имение, табун, стадо коров*, он получал газету, но жениться не женился. Так вот однажды в конце *октября, днем*, гулял он по имению, *осматривал* там все. Смотрит на земли – хорошее место, но с одной стороны – крестьянская земля, а с другой – графская. Нельзя расширить владения, нельзя купить

¹ О вербальном семиотическом анализе см. Norrál 1977.

больше земель, а деньги у него были, и мог бы он купить больше. Ну, конечно, хотел бы он еще и табун с жеребятками, там доили бы кобыл, делали кумыс или что. Ну, вот так он раздумывал. Когда же вернулся в дом, конечно, газета уже пришла, он *получал газету. Читает*, где-то около монгольской границы (Монголия – это Татарская земля, не знаю, самостоятельная республика или куда относится), там есть большие целинные или переложные земли. И *тамошний губернатор* или же правитель *объявляет*, что кто даст тысячу рублей, тот может взять себе столько земли, сколько сумеет обойти от *восхода солнца до заката* (ну, это, может, фантазия), до заката *обойдет*, и это на него запишут, и он может обрабатывать. Все это отойдет к нему! Эх, и хорошо же это было бы! Решил, *пойдет туда!* Много дней надо было туда добираться. Пахум ехал поездом. Приезжает. *Явился в губернское ведомство*. И спрашивает, правда ли то, что было объявлено в газете? – Не ложь! Там есть у них *поверенный, заплатит* ему тысячу рублей и займет себе землю, может *брать в свое владение*. Ну и вышел он, а *поверенный*, конечно, *черт был, который подслушивал за печкой*. И говорит ему черт: «Батюшка или друг, – как-то так он его назвал, – берегись, говорит, хорошо мерь землю, потому что если не прибежишь к отмеченной цели, к отправному пункту, потеряешь тысячу рублей. *Проиграешь!*» Ну и *отправился* Пахум, взял с собой на дорогу погачей (пышек), но не ест, а старается спешить, бежит. Дальше, вот еще это холмистое местечко, этот *лес*, еще это обязательно надо *занять*. На *одном холме был черт, поверенный*. Солнце уже катится к горизонту, а Пахум *не ел и в обед*. Одежда прилипла к спине. Далеко уже забежал он, когда черт крикнул ему, *чтобы он спешил*, потому что солнце уже скатилось к краю неба. Взялся Пахум бежать. Бежал, бежал, до тех пор *бежал*, пока не добежал до цели, *прямо свалился с ног, ударился головой*, всем телом о вкопанную там *лопату*. Конечно, там старик вытянулся, *умер*.

Черт же тогда *расхохотался*, перевернул его на спину, *отмерил* рядом с ним *два шага*: «Ну, – говорит, – Алексей Пахум, *за этим ты бежал!*»

Вторая запись: май 1972 г.

«Этот Алексей Пахум тоже был один *большой русский мужик*, потому что так называли тогда крестьянина – мужик. Он *ходил на вырубку* леса, батрачил. Раз *зимой* или *летом* он сильно работал, собрал немного денег и *купил версту* (у нас это называлось, как с тех пор я догадался, «капафельд, гон») – двести квадратных саженей *земли*. И там он вырастил картошку. Испек

он себе на ужин картошки, *наелся досыта печеной картошки и растянулся на лежанке*, так пишется в книге. Прикидывал он себе в уме, что *в следующем году станет работать еще больше* и купит еще столько же земли, тогда, думает, заколю поросенка или заведу козу. *Черт же подслушивал за печкой*, он тоже там грелся, и *поддакивал* ему изо всех сил: «Так, Пахум, так!» Ну и было так – в следующем году Пахум и правда купил землю. А еще через год купил еще больше. *Тридцать лет* так он богател и было у него уже *свое имение*. И вот в один день *в конце октября* Пахум осматривал свое имение – у него уже был *табун, стадо коров*, прислуга.

Тогда он уже получал газету. Вечером читает, что туда, к Тарарской земле, Монголии (это где-то около Китая), в Монголии *тамошний губернатор* (так называли правителя) объявляет, что есть там *большие территории* необработанных земель. Если кто положит *тысячу рублей*, то может взять себе всю землю, что *обойдет от восхода до захода солнца*, и пусть обрабатывает. Ну, он *пойдет туда!* – подумал мужик и сильно заволновался. Много дней готовился, съестного там положил, напек себе на дорогу погачей (пышек), и отправился. Конечно, по железной дороге, и так надо было долго ехать! Прибыл и *пошел к правителю*, что, мол, есть вот объявление, правда ли это, потому что тогда он хотел бы взять себе земли. – Как же не правда! Значит, он *положил тысячу рублей*, значит, теперь *обойдет земли и может брать в свое владение*. Так вот послал правитель поверенного в условленное утро, что он, мол, там будет ждать. Так вот как Пахум *вышел*, а поверенный уже был на месте, но это был *черт*, который *подслушивал за печкой*. Вот Пахум рассказал ему, чего он хочет, заплатил тысячу рублей, а черт и говорит ему, когда он заплатил: «Ну, теперь уже солнце начало всходить, можешь отправляться! Если захочешь занять слишком много и не успеешь обежать до заката солнца, то *потеряешь свои деньги*, потому что тебе надо обежать землю точно к закату». Конечно, Пахум *отправился*, сразу же заспешил, уже тогда утром, на рассвете. Бежит, бежит: еще этот холм, еще этот – осмотрелся вокруг – еще это, еще то. Вот склонилось сильно солнце книзу, эх, еще эту *лесистую часть займет*, до заката успеет. Уже и *не обедает* – что этот один день, как-нибудь выдержит. Но когда он занимал лес, уже надо было очень спешить. Бежал, бежал, разгорячился, вспотел, так надрывался, что *на одном холме*, на возвышенности *был черт, поверенный*, и он крикнул Пахуму, *чтобы тот поспешил*, а то проиграет. Ну, все-таки до заката солнца он прибежал, да еще так, что куда черт вонзил в землю лопату, что это отправка точка, и туда надо вернуться.

Пахум так сильно бежал, так сильно, что прямо свалился на землю, лишь головой коснулся лопаты, ударился о нее головой и в минуту умер.

Тогда черт расхохотался: «Ну, Алексей Пахум, за этой землей ты бежал! – перевернул его на спину и отмерил два шага рядом с трупом. – За этой землей ты бежал!»²

Два этих текста примерно одинаковой длины, несмотря на то что разные эпизоды в них описываются с неодинаковой подробностью. Видно, что это одна и та же история с одной и той же моральной конклюдией. Как достигает этого сказитель? Что есть то общее в обоих текстах, которое делает их одинаковыми вопреки языковым и стилевым отличиям?

Проведем простой эксперимент. Выпишем из обоих текстов фразы, совпадающие (почти) слово в слово. Допустим, что если эти фразы и через два года точно повторялись, то они важны с точки зрения построения повествования. Таким образом, предположим, что повторяющиеся элементы несут важную информацию о текстовой конструкции и об идентификации текстов.

Полностью совпадающие слова и выражения:

Алексей Пахум был большой (сильный) русский крестьянин.

Он ходил на вырубку леса (зимой и летом), за это получил деньги, купил землю.

Он был доволен («наелся досыта печеной картошки», «растянулся на лежанке»).

Решил, что «на следующий год станет работать еще больше», (чтобы тогда уже купить скотину – «козу»).

Черт слушал за печкой, поддакивал (что он поможет Пахуму).

Через тридцать лет у Алексея Пахума уже было свое имение, табун,

стадо коров,

он получал газету.

Однажды в конце октября он осматривал имение (нашел, что земли мало, ему хотелось бы больше!).

(В газете) он читает, что в Татарской земле губернатор объявляет, что если кто положит тысячу рублей (тог получит столько земли, сколько «сможет обойти пешком от восхода до заката солнца»).

² Во второй раз пожилой крестьянин добавил к тексту свое объяснение: «...если так подумать, Толстой был прав в этой фантазии – затем лишь бежал, за двумя шагами земли. Потому что ведь он и выиграл, прибежал до заката солнца, однако не смог этим попользоваться!»

Идет туда.
 Приходит к губернатору.
 Выплачивает тысячу рублей.
 Выходит (на место действия, ждет).
 «Поверенный, черт, который подслушивал за печкой».
 (Договорились об условиях).
 Пахум отправился.
 Занял (красивый) лес, холм.
 Не обедал.
 (Бежит, спешит, потеет).
 Черт стоит на холме и
 кричит, «чтобы он поспешил», «потому что проиграет!»
 Пахум прямо свалился с ног (у цели)
 ударился головой о лопату
 (и в минуту) умер.
 Тогда «черт расхохотался», и перевернул (мертвеца) лицом
 кверху:
 «Ну, Алексей Пахум, за этой землей ты бежал!» – и отмерил
 возле него два шага (т. е. длину могилы).

Следующий вопрос или следующий шаг в анализе – как можно формализовать этот процесс, сделать его более точным? Какие теоретические основы делают возможным процесс создания «текстовых экстрактов», подобных вышеприведенным? Собственно говоря, выбрав совпадающие фразы и обороты, мы сделали не что иное, как коротко подытожили оба рассказа. Иными словами, был создан экстракт текста, короткий «идеализированный текст» (Norral 1977b), который содержит всю важную информацию. Кроме того (и это очень важно в ходе воспроизведения текста), в нем можно раскрыть ряд мелких деталей.

Теоретические рамки воспроизведения и экстракции текста

Проблемы, связанные с воспроизведением текста в памяти и его экстракцией, слишком обширны, чтобы можно было рассмотреть их здесь во всех подробностях³. Во всяком случае, они отнюдь не так просты, чтобы их можно было решить упрощающими и пустыми утверждениями, как это делает, например,

³ Хороший обзор этих вопросов см. в van Dijk & Kintsch 1978: 61–80, особенно на стр. 62–66.

И. М. Хантер, говоря, что с нарративным сокращением рассказ становится более когерентным (Hunter 1957: 148). Доказано, что в основе своей понимание текста имеет семантический характер и основывается на пропозициях (Kintsch 1972).

Для начала важно отметить, что память, хранящая длинные нарративы, содержит тексты в форме упорядоченных множеств пропозиций. На уровне фраз, называемом некоторыми исследователями микроуровнем, семантика определяет для рядов фраз ряды пропозиций и секвенций.

По новейшей этнопоэтической терминологии (Jason 1975: 24), нарративную единицу можно определить как аналитическую пропозицию, как некую нарративную синтагму, которая включает в себя одну роль и одну функцию, взятую в понимании В. Я. Проппа, которую можно формализовать в качестве пропозиции, взятой в логическом смысле. Каждую семантическую структуру мы создаем из единиц элементарной секвенции. Пропозиционные множества, созданные таким образом, обеспечивают, в частности, когеренцию текста⁴.

Кроме логической когеренции *discourse*, важное значение имеет также правильность языкового оформления текста. Можно спорить о том, что элементарные единицы нарративных структур надо искать на уровне фраз или же на уровне больших, надфразовых единиц текста. По всей вероятности, в ходе анализа на микроуровне полезнее (и достаточно) исследовать элементарные пропозиции текста, например в сравнительных исследованиях по мифологии – *mythème* или же сказочные мотивы (Norral 1978).

Однако, анализируя общие характерные черты нарративов, стоит работать с большими единствами, поскольку очевидно, что глобальное значение текста несут большие, чем фразы, семантические и текстовые единства, например несколько фраз или же абзац, иными словами, один из эпизодов текста. Конечно, эпизод также можно сгустить в одну фразу, т. е. переписать в форме единственной пропозиции. Это будут макроструктуры, в форме

⁴ О когерентности текста см. Grimes 1978: 123–132, особенно на стр. 125.

макропропозиций сгущающие информацию в пропозициях на уровне фраз⁵.

Правила создания макроединств совпадают с теми операциями, посредством которых создаются текстовые экстракты. Теун ван Дийк и его сотрудники организовали составление подытоживающих экстрактов новеллы Дж. Бокаччо среди учащихся средней школы. В работах учащихся чаще всего встречались пропозиции, совместно создающие подытоживающий экстракт новеллы. Также выяснилось, что в памяти читателя остаются следы визуальной памяти, пропозиции микроструктуры и макроструктуры – они организуют повествование в терминах главных событий. При этом лучше всего в памяти остаются макропропозиции, упомянутые в последнюю очередь.

Длительная память, имеющая в основе своей семантический характер, сохраняет макропропозиции, подытоживающие сущность больших текстовых блоков (ср. Pléh 1980).

Сравнивая макропропозиции⁶ двух текстов – рассказа Л. Н. Толстого и венгерского крестьянского повествования, – становится очевидным, что последний можно считать хорошим экстрактом, поскольку он охватывает каждый существенный момент. Повествование хорошо сформулировано также и с точки зрения общих принципов нарративной грамматики, поскольку в нем встречаются обязательные макроэлементы, а именно: *завязка, конфликт, развязка и оценка*, а также *мораль* (ср. van Dijk et al. 1976: 91). Например, в начале произведения дается общая картина ситуации, ознакомление с местом действия,

⁵ «Characteristic of macro-structures is that they are entailed by sequence of propositions (micro-structure) of the discourse. Their function is to *reduce* and *organize* information» (van Dijk & Kintsch 1978: 68). Там же перечисляются правила создания макропропозиций.

⁶ Из-за недостатка места список оригинальных и довольно длинных макропропозиций повествования здесь не приводится. Издание, на основе которого создавался список: Tolsztoj Leo. *A paraszt meg az ördög* (Перев. Жужа Раб). Bukarest: Издательство «Ifjúsági», 1955. Другие венгерские издания, которые могли попасть в руки сказителя: Tolsztoj N. Leo. *Népies elbeszélések* (Перев. Эндре Сабо). Budapest, 1899, стр. 65–82; Tolsztoj Leo. *Mennyi föld kell az embernek?*. – *Új Hang* I, 1940, стр. 20–24. Оригинальный русский текст можно найти в издании: Толстой, Л. Н. *Много ли человеку земли нужно. Повести и рассказы* (1872–1906), т. 11, стр. 40–51. Москва, 1974.

представление главного героя, а в конце извлекается моральная конклюдия.

Однако стоит обратить внимание на некоторые мелкие различия. Так мы шагнем вперед в направлении обсуждения определенных семантических и прагматических проблем (в соответствии с упомянутой программой вербального семиотического анализа). Таковым является упоминание в венгерском тексте имени главного героя (Алексей), отсутствующее в русском тексте. Также в рассказе Л. Н. Толстого не говорится о том, что на все более увеличивающееся имение мужик заработал деньги на вырубке леса. Здесь мы знакомимся с рядом эпизодов из жизни русского крестьянства (что мир решает, примет ли община кого-либо в свою среду, что земля – общая собственность и т. д.). Интересно также, что в венгерском варианте обогащение крестьянина подчеркивается тем, что у Пахума в имении был «табун, стадо коров» и он получал газету (sic!). В русском тексте он «свою землю пахал и сеял, на своей земле сено косил, со своей земли колья рубил и на своей земле скотину кормил».

С точки зрения логики повествования особенно интересно, что в венгерском тексте Пахум читает весть в газетном объявлении, в то время как в русском варианте он неоднократно слышит весть «с земли башкирской» от странников и заезжих купцов. Черт как противник главного героя в венгерском варианте – настоящий сказочный супостат, воплощение лукавого, склоняющего к жадности. У Л. Н. Толстого сказочное эпическое полотно сложнее, лишь из эпизода сна в предпоследний день читатель может догадаться, что башкирский старшина, купец и мужик прохожий – лишь разные обличья дьявола, слушавшего за печкой, как Пахум жаждет приобрести большие земли.

Самый интересный мотив рассказа – приобретение земли или отмеривание территории обходом. Отдельного внимания заслуживает уже то, что Л. Н. Толстой показывает этот общеизвестный мотив мирового фольклора как характерный признак мышления башкирских кочевников. В тексте венгерского повествователя не присутствуют ни башкиры, ни татары, герой гонится за землей, за большим богатством и жадность наказывается. Повествование заканчивается четко сформулированным моральным назиданием. Заключительные картины, последние сцены рассказа переходят в короткое повествование без изме-

нений (например, черт или же старшина-башкирец хохочет; отмеривание земли под могилу).

В повествовании старого информанта интересно то, что за исключением нескольких русских слов (мужик, рубль, губернатор), в нем отсутствуют моменты, указывающие на русский образ жизни. Вместо них вводятся характерные черты венгерского крестьянского быта (например, *капафёльд* – земля, обрабатываемая одним человеком за один день), батрацкая работа, печеная картошка на ужин (у Л. Н. Толстого, конечно, пьют чай), табун с жеребятами, *куцик* (название верхней части печки), присутствующий в обоих вариантах текста. Хорошим примером органического вплетения в текст элементов венгерского фольклора является и то, что в дальнюю дорогу Пахум берет с собой *погачи* (пышки). Этот элемент рассказчик позаимствовал из венгерских народных сказок, где без этого чудесного кушанья герой никогда в дорогу не отправляется. Очевидно, этим информант хотел дать представление о дальности дороги, поскольку в народных сказках оборот «погачи, испеченные на углях» употребляется именно в таком значении. У Л. Н. Толстого ничего подобного нет.

Подобный элемент, коренящийся в глубине культуры и языка (и в народных верованиях), имеется также в тексте Л. Н. Толстого. Например, когда Пахум говорит о «земле-матушке», он использует выражение *a föld anyácska*, чего нет в венгерском фольклоре.

По нашему мнению, это те элементы, появление которых в тексте народного сказителя (а также в рассказе русского писателя, написанном в «народном духе») обеспечивает достоверность текста, делает правдоподобным изображаемый *мир*, место действия и события, т. е. обеспечивает когерентность текста на уровне известных элементов данной культуры.

Вопрос об элементах, представленных в вышеприведенных примерах, приводит нас к следующему кругу проблем, а именно, к проблемам памяти, определяемой культурой.

Заключительные заметки о памяти, определяемой культурой

Элементы повествования, в силу культурных причин менее понятные крестьянскому сказителю, были заменены им знакомы-

ми элементами, словосочетаниями, выражениями и картинами. Выходит, память или воспроизведение – не просто репродукция, но и толкование. Иными словами, во время вспоминания в сознании человека активизируется весь запас его знаний и верований и они принимают участие в процессе воспроизведения. Наиболее важно в этом процессе то, что верования и знания, связанные с миром, определяют избираемые слова в рамках данного повествования. И именно «миропонимание» дает эту всеохватывающую рамку, которая определяет, о чем можно говорить в этой культуре, а о чем нельзя. Ясно, что легче воссоздать те фразы, пропозиции или же тексты, содержание которых близко друг к другу. Иными словами, тождество культурной системы (тождественная система языка и верований), как основа, охватывает семантику макроэлементов повествования.

Внимание старого крестьянина привлек и запомнился именно этот рассказ Л. Н. Толстого, написанный в народном духе, неслучайно, ведь его центральный мотив широко известен в венгерском фольклоре. В деревне в полусотне километров от места жительства нашего информатора записан рассказ, в котором тисафюредский рассказчик говорит о приобретении имения господином Михаем Шаркези: «...он просил земли лишь столько, сколько сможет *обороздить за один день* на двух волах, и получил он земли вдоволь; на краю дороги, у стана Яноша вонзил в землю плуг и за один день очертил себе три тысячи хольдов...» (Szilágyi 1976: 115–123).⁷

Наряду с относительно новыми данными, этот сказочный бродячий мотив можно встретить (Szendrey 1924) (не говоря здесь о далеких межнациональных параллелях)⁸ в определенных традициях исторического фольклора, связанных с мотивом приобретения имения. Эти традиции сохранились в письменных источниках о происхождении средневековых дворянских семей. Часто встречающийся в них мотив – овладение имением, равным территории, обойденной за определенное время. С именем одного из венгерских королей XI века Ласло (Владислава) Святого связан следующий сказ, в котором бедняк получает дворянство и поместье:

⁷ В оригинальном тексте башкирцы также хотели очертить плугом отмеченные земляными насыпями границы имения (ср. венгерский перевод Tolsztoj 1955: 38, в русском оригинале Толстой 1974: 47).

⁸ Ср. о мотиве Дидо в Sklovskij 1963: 87.

«Из наследия наших предков мы знаем о его проделанном сюда (т. е. в Далмацию) втором пути следующее: как он поехал на телеге к Каниже, на кроткого короля нашел такой глубокий сон, что он не слышал на тряской дороге шума гремящих колес. Вдруг из колеса вылетела чека и потерялась; эту случайность слуги короля заметили не сразу, да у них и не было под рукой другой чеки, чтобы заменить потерянную. Тогда Балаж, крепостной из тех мест, вставил вместо чеки палец и держал болтающееся колесо до тех пор, пока не проехали расстояние в один холд. В награду за проявленную верность и беззаветную преданность королю Балаж с другими крепостными собратьями был отпущен на волю и получил столько земли, сколько смог объехать верхом за несколько часов...» (*aesque terra, quas eques per complure horas obequitasset, accepisse...*) (Podlusáni 1742: 35–36)⁹

Этот сказовый фольклорный мотив вместе с другими известными мотивами увеличивает число элементов средневековых традиций, и в наше время встречающиеся в венгерском фольклоре.

Наконец, стоит упомянуть, что в венгерской литературе известна литературная обработка одного из далеких вариантов этого сказа. Дежё Сабо ввел его в свой роман «*Csodálatos élet*» (Чудесная жизнь, см. Szabó 1921). Жнецы разговаривают, и один из них поднимает вопрос, каким образом Харомсек отошел к секеям. Ответом послужило сказание, в первой части которого говорится о том, как один секей выиграл свинью господу бога у саксонца и румына, хитроумным способом выполнив трудное условие. Другая часть сказания относится к уже рассмотренному нами типу, поэтому мы приводим ее дословно:

«Была уже у секея свинья с двенадцатью поросятами, но не было земли. Пошел он к господу богу: ...Дай лишь столько земли, сколько я отделил тремя стульями, этого мне хватит. Расхохотался господь бог и говорит: Столько я, конечно, дам, сын мой, но увидишь сам, много ли ты этим добьешься. Пошел секей, взял три больших неуклюжих стула и перепилил их на мелкие опилки. Потом осмотрел землю, выбрал хорошую харомсекскую область и шел до тех пор, пока не засыпал ее опилками. После этого он пошел к господу богу: Ну, пресвятой боже, видишь, как оно есть. Бог и осерчал немного, и посмеялся. Почесал он голову и говорит: Ну, ты хитрец, и меня перехитрил. Бери себе землю, но так как ты выманил ее стульями, пусть огненные тебя зовут

⁹ Популярная обработка: Lengyel Dénes 1972. Régi magyar mondák. Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó.

секеем (*szék* по-венгерски «стул»), а землю твою пусть называют Харомсек (*три стула*). С тех пор Харомсекская область принадлежит секеям, и никто ее у них не отберет». (Szabó 1921: 52)

Приведенные примеры подтверждают утверждение о том, что культурно понятные и акцептируемые мотивы (элементы или ряды элементов) запоминаются лучше и меньше подвержены выпадению из коллективной памяти. Этот процесс намного медленнее, чем мы до сих пор считали. В особенности это касается информации (сказаний, мифов и других нарративов), находящейся во взаимосвязи с сознанием идентичности среды (с этнонимами, традициями родового происхождения, названиями мест и связанными с ними повествованиями).

Культура в форме различных текстов сохраняет информацию, необходимую для самоидентификации. Разные жанры нарративов вместе с сетчатой структурой верований (Horrá1 1979) и языком, используемым повседневно, можно считать длительной (*long term*) памятью культуры, они выполняют определенную функцию культурной памяти.

Когда речь идет о разрушении или изменении этих фольклорных нарративов, ясно видно, что надо учитывать:

1. процессы человеческой памяти;
2. внутренние (логические) и внешние (языковые) закономерности текстов, общие правила наррации;
3. не в последнюю очередь, контекст культуры в самом широком смысле (система верований и ценностей, а также влияние предметной среды), потому что это создает возможности для восприятия определенных культурных влияний или их отвергания.

Следует упомянуть об общем структурном построении нарративов, потому что, как выясняется из экспериментов Т. ван Дийка и его сотрудников, в процессе создания длинных и комплексных повествований (в случае воспроизведения или повторного пересказывания) текст возникает как результат трех главных составных:

1. нарративные правила, касающиеся общего и правильного построения повествования;
2. логика событий и акций повествования, обеспечивающая когеренцию и консистенцию действий и событий в ходе повествования;

3. макроправила, с помощью которых мы создаем макро-пропозиции, сохраняющие самую важную информацию повествования.

Вышеприведенные утверждения подводят нас ближе к лучшему пониманию одной из основополагающих проблем фольклора – к освещению сложных вопросов передачи традиций.

Литература

- Bartlett, Frederic C. 1920. Some experiment on the Reproduction of Folk Stories. – *Folk-Lore*, Vol. 31, No. 1, 30–47.
- Bartlett, Frederic C. 1932. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Colby, Benjamin & Cole, Michael 1973. Culture, Memory, and Narrative. – Robin Horton & Ruth H. Finnegan (ред.) *Modes of Thought*, 63–91. London.
- Dégh, Linda 1969. *Folktale and Society: Story-telling in a Hungarian Peasant Community*. Bloomington: Indiana University Press.
- Goody, Jack 1977. Mémoire et apprentissage dans les sociétés avec et sans écriture: la transmission du Bagre. – *L'Homme* 17 (1), 29–52.
- Grimes, Joseph E. 1978. Narrative Studies in Oral Texts. – Wolfgang U. Dressler (ред.) *Current Trends in Textlinguistics*, 123–132. Berlin – New York: W. de Gruyter.
- Hoppál, Mihály 1977a. Esemény–elbeszélés–közösség. Jegyzetek a verbális szemiotikához. – Márton Istvánovits & Pldikó Kriza (ред.) *A komikum és humor megjelenésének formái a folklórban*, 61–85. Budapest.
- Hoppál, Mihály 1977b. A mítosz poetikája és logikája. – Péter Józsa (ред.) *A jelentés kérdései*. Budapest.
- Hoppál, Mihály 1978. Mítosz, kép és szöveg. – Mihály Hoppál & Márton Istvánovits (ред.) *Mítosz és történelem*, 301–337. Budapest.
- Hoppál, Mihály 1979. On Belief System. – Wolfgang Burghardt & Klaus Hölker (ред.) *Text Processing: Papers in text analysis and text description*, 236–352. Berlin–New York: W. de Gruyter.

- Hunter, Ian M. L. 1957. *Memory: Facts and Fallacies*, 176–183. Harmondsworth: Penguin.
- Jason, Heda 1975. *Ethnopoetics: A Multilingual Terminology*. Jerusalem: Israel Ethnographic Society.
- Kintsch, Walter 1972. Notes on the structure of semantic memory. – Endel Tulving & Wayne Donaldson (ред.) *Organisation of Memory*, 247–308. New York: Academic Press.
- Norman, Donald A. 1969. *Memory and Attention: An Introduction to Human Information Processing*. New York: Wiley.
- Petőfi, János S. 1975. Beyond the sentence, between linguistics and logic. – Hákan Ringbom (ред.) *Style and Text*, 377–390. Stockholm: Skriptor.
- Petőfi, János S. & Rieser, Hannes (ред.) 1973. *Studies in Text Grammar*. Dordrecht.
- Pléh, Csaba 1980. Szemantikai emlékezet, ismeret, hiedelem. – Tibor Frank & Mihály Hoppál (ред.) *Hiedelmerendszer és társadalmi tudat*, 105–113. Budapest: Membrán-könyvek.
- Postman, Leo J. & Keppel, Geoffrey (ред.). 1969. *Verbal Learning and Memory (Selected Readings)*. Harmondsworth: Penguin.
- Podlusáni, D. J. Sigismundi 1742. *De rebus gestis Hungariae regum. Historiae bipartitae*. Jaurini (Győr): G. J. Streibig.
- Szabó, Dezső 1921. *Csodálatos élet I*. Budapest: Táltos.
- Szendrey, Zsigmond 1924. *Nagyszalontai gyűjtés (Magyar Népköltési Gyűjtemény XIV)*. Budapest: Athenaeum.
- Szilágyi, Miklós 1976. Népi anekdoták Józsa Gyuriról és más földbirtokosokról. – *Folklór Archivum* 5, 115–123. Budapest.
- Sklovszkij, Viktor B. 1963. *A széppróza: Vélemények és fejtegetések*. Budapest: Gondolat.
- van Dijk, Teun A. 1972. *Some Aspects of Text Grammars*. The Hague: Mouton.
- van Dijk, Teun A. et al. 1976. *Recalling and Summarising Complex Discourse (Preliminary version, Mimeo)*. Amsterdam.

МИХАЙ ХОППАЛ

van Dijk, Teun & Kintsch, Walter 1978. Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarising Stories. – Wolfgang U. Dressler (ред.) *Current Trends in Textlinguistics*, 61–80. Berlin –New York: W. de Gruyter.

ШАМАНЫ – КУЛЬТУРЫ – ЗНАКИ

Михай Хоппал

<http://www.folklore.ee/ri/pubte/ee/sator/sator14/>

ISBN 978-9949-544-46-2

Тарту 2015

Автор: Михай Хоппал

Редактор серии: Маре Кыйва

Редактор и составитель: Николай Кузнецов

Перевод: Николай Кузнецов

Дизайн: Андрес Куперьянов

Верстка: Диана Кахре

HTML: Диана Кахре

Печатное издание:

Михай Хоппал. ШАМАНЫ – КУЛЬТУРЫ – ЗНАКИ.

SATOR 14. Тарту 2015

Составление, техническое оформление и печать книги осуществлены при поддержке Эстонского институционального исследовательского гранта 22-5 (Религиозные и нарративные аспекты фольклора).

Оформление электронного издания осуществлено при поддержке проекта ЕККМ14-344 “Расширение областей применения и представление эстонского языка, культуры и фольклора в электронных информационных средствах”.

© 2015 Научное издательство ЭЛМ